

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

К ПРОБЛЕМАТИКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КАНТА

Л. Белас

Кафедра философии
Философский факультет
Институт философии и этики
Прешовский университет
г. Прешов (Словакия)

Л. Беласова

Кафедра дошкольной и элементарной педагогики
Педагогический факультет
Прешовский университет
г. Прешов (Словакия)

В статье анализируются противоречия и вызовы мультикультурализма в сегодняшней Европе в свете современных глобальных проблем, попыток построения однополярного мира. При этом творчески применяются принципы философии истории и культуры, разработанные И. Кантом, осуществляется анализ их изучения и применения в современной западной исследовательской литературе.

Ключевые слова: мультикультуральность, глобализация, плюрализм.

Глобализацию как динамический и универсальный (планетарный) феномен современности можно рассматривать с разных точек зрения, например с технологической, экономической, политико-властной, идеологической, культурной, правовой и прочих. Многие исследования вскрывают как положительные, так и отрицательные последствия данного процесса. Постепенно данная тема становится предметом философских рефлексий, тематизирующих глобализацию с ее сопутствующими проявлениями как серьезную проблему современного образа историко-культурного мира. Зачастую данная проблема становится исключительной, господствующей темой актуально презентующейся философии. Конечно, существуют и противоположные мнения. Э. Ангерн отмечает, что predominancia современности, расформирование исторического сознания в планетарной цивилизованности вызывает возвращение к историчности. Появляется новый интерес, новое требование к истории и ее философской рефлексии: «вновь возникающие музеи, конъюнктура ежедневных происшествий в публикациях и массмедиа, воз-

растание исторических выставок и памятных мероприятий, возрастающая политическая вирулентность историей закреплённых убеждений о принадлежности к регионализму, к новым национальным движениям — все это принадлежит к символам духа времени, как и постмодерные похороны мироисторических перспектив» [1. С. 10].

Глобализирующийся мир приносит с собой великие призывы: плюрализм культур, национальные и политические конфликты, угрозу терроризма, возможность конфликта цивилизаций, проблематизируется даже вопрос прав человека. Перспективы разумного постепенного преобразования порядка мира народов и государств на Земле уменьшаются. Философия должна заниматься не только современностью, но и назначением возможного будущего. Тем самым выходит на арену одна из самых интересных, но однако не менее проблемных дисциплин — история философии. Есть необходимость такого философского видения будущего, в котором определенное и существенное место должна занимать мораль. В связи с этим возникает следующий вопрос: где нужно искать исходные пункты философии и, прежде всего, релевантную традицию, которая могла бы стать основой постройки такого видения для последующих времен? Укажем на тот факт, что философия уже выработала в XVIII веке свою идею *ожидаемого*, т.е. проект миротворческой гражданской культуры мира. Именно этот факт подводит нас к тому, чтобы задать второй вопрос: можно ли в связи с этим использовать рассуждения Канта о мирогражданстве?

1. Мультикультуральность

В данной статье предпринимается попытка осмыслить глобализацию в контексте модели мирогражданства Канта, которая содержится в его концепции философии истории. Фундаментальными источниками по данной теме представляются его небольшие сочинения — *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (1784) и *К вечному миру* (1795). При этом первое из них имеет характер программного сочинения — содержит видение пути человеческой истории вплоть до достижения всеобщего мирогражданского состояния, содержащего в себе свободу, вечный мир и право. В трактате о вечном мире Кант рассматривает некоторые тезисы данной идеи.

Философия истории Канта представляет собой открытую модель философского исследования истории. Образ ее сотворен скептицизмом в отношении к фактам прошлого, с одной стороны, и постулативным оптимизмом в отношении к будущему, — с другой. Во всяком случае, многие рассуждения, содержащиеся здесь, являются релевантными и в отношении к современной ситуации, внешней и внутренней, государств и народов Земли. Анализируя глобализацию культуры, Й. Фебер пишет: «Чтобы мир функционировал в качестве глобального целого, чтобы эффективно решались общие проблемы, моральная регуляция должна быть дополнена правовыми нормами. Поэтому актуальным требованием становится создание всеобщего права» [2. С. 319]. С приведенным взглядом можно только согласиться. К этому можно прибавить и проблемы государства, политики, международного права, макроплюрализма, истории, мультикультурализма, космополитизма, справедливости. Все это теснейшим образом связано с *положением человека в глобальной ситуации*.

Сопутствующим *признаком планетаризма* является и ярко выраженное нарастание в мировом масштабе миграционных процессов, соединенных с кризисом классического государства (ограниченный суверенитет) и с проблематикой групп, перемещающихся по планете. Осмысление подобной ситуации мы находим в трактате Канта *К вечному миру*, конкретно там, где он рассматривает всемирно-гражданское право в отношении к условиям всеобщего гостеприимства (*hospitalita*). Кант напоминает, что речь идет не о филантропии, а о праве, и гостеприимство означает «право каждого чужака на то, чтобы тот, на чью землю он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом» [5. С. 25]. Во всяком случае, предупреждает Кант, пришелец не может претендовать на *право быть гостем* (для этого был бы необходим *особый дружеский договор* — который делал бы его на определенное время членом *дома*). Но, по его мнению, он может претендовать лишь на «*право посещения*, которое принадлежит всем людям в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других; изначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли» [Там же].

Хотя народы распространены и природой отдалены друг от друга, они могут постепенно приближаться друг к другу и использовать для этой цели право на *поверхность* (Земли), которое принадлежит роду человеческому. Право гостеприимства — утверждает Кант — «не распространяется дальше возможности завязать сношения с коренными жителями. Таким образом, отдаленные части света могут войти друг с другом в мирные сношения, которые впоследствии могут превратиться в публично-узаконенные и таким путем все более и более приближать человеческий род к всемирно-гражданскому устройству» [Там же. С. 25—26]. С другой стороны, он констатирует: «Если сравнить с этим враждебное поведение цивилизованных, преимущественно торговых, государств нашей части света, то несправедливость, проявляемая ими при *посещении* чужих стран и народов (что для них равносильно их *завоеванию*), окажется чудовищной» [Там же. С. 26].

Интересны слова Канта об определенных властях, которые «делают много шума вокруг набожности, и в то время, когда пьют воду бесправия, хотят, чтобы их считали избранными в правоверности». Постепенное возникновение живых контактов внутри планетарного общества народов приводит Канта к идее всемирно-гражданского права, которое является необходимым дополнением неписанного кодекса государственного и международного права, к публичному праву человека и, одновременно, к вечному миру, понимаемому Кантом как абсолютное политическое добро. Высоко оценил миротворный проект немецкого философа с позиций современности Р. Сафрански: после кантовского проекта вечного мира для всего мира еще не было предъявлено ничего нового, что можно было бы сравнивать с ним по богатству мыслей и реализму [4. С. 26].

Статус права с точки зрения диалога представителей разных государств, сообществ и культур Кант подчеркивает и в параграфе 62 *Метафизики нравов* (*Rechtslehre*). В нем сказано: «Эта идея разума — идея мирной, хотя еще не дружеской, общности всех народов земли без исключения, которые могут вступать

друг с другом в полезные отношения, — вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а правовой принцип... все народы первоначально состоят в общности земли, но не в правовой общности владения (*communio*) и тем самым не в общности пользования землей или собственности на землю, а в физическом возможном взаимоотношении (*commercium*), т.е. во всестороннем отношении одного ко всем остальным, для того чтобы *предлагать* себя для взаимного *общения*; [каждый человек] имеет право пытаться вступать в такое общение, и за это чужестранец не вправе встречать его как врага. Это право, поскольку оно имеет в виду возможное объединение всех народов для [установления] определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом *гражданина мира* (*ius cosmopoliticum*)... возможное злоупотребление не может уничтожить право гражданина Земли *пытаться* вступить в общение со всеми и с этой целью *посещать* все страны на Земле, хотя это не есть право *поселения* на территории другого народа (*ius incolatus*); для такого поселения требуется особый договор» [5. С. 475—476].

В контексте исследуемой тематики важны прежде всего следующие тезисы Канта: право на общественную собственность земной поверхности, право гостеприимства, которое ограничено только условиями возможности вступления в общение с коренными жителями. Также Кантом отмечены примеры негостеприимного поведения цивилизованных государств Европы и несправедливость, проявляемая ими при посещении чужих стран, — их завоевание и освоение.

К чему стремился Кант? По нашему мнению, он показывает определенные риски, связанные с неизбежным и естественным — с его точки зрения — перемещением разных народов по пространству планеты. При этом, рассматривая людей, Кант осознает их естественные различия и отличие культур. Каждое из обществ ограничено определенными факторами — географией, производством, обычаями, ремеслами, торговлей, гражданством. Состояние государств и народов на Земле обусловлено природой и деятельностью человека. Поэтому естественной оказывается и причина их соединения. В данном случае проявляется одна из основных идей кантовских философско-исторических рефлексий — человеческая природа.

Тем самым мы приходим к ныне «модному» понятию, обозначаемому термином *мультикультурализм*. По У. Беку, мультикультурализм предполагает коллективизм. Он ориентируется на более или менее гомогенные группы, воспринимаемые в качестве разнородных или однородных, но интегрирующих отдельных индивидов. В данном смысле мультикультурализм является противником индивидуализма: «Если мы верим в мультикультурализм, то индивидуум вообще не существует. Он является только эпифеноменом своей культуры и общества» [16. С. 388]. «Мультикультурализм сам по себе, — пишет Р. Бергер, — не является ни нормой, ни ценностью, а фактом. Почти во всех западных странах он является результатом демографических миграций и политических проклятий, но одновременно, и того, что обычно не учитывается — *собственной продукции модерна*. Большинство проявлений мультикультурализма не является импортом, а продуктом плюралистической динамики самих индустриальных обществ современности (достаточно вспомнить определенные проявления молодежной субкультуры,

даже сектантство). Культурное разнообразие может быть эстетическим обогащением, но также и политической опасностью. Действительно, жить по принципам мультикультурализма возможно лишь в эгалитарном светском государстве, сформированном как модификация либерального гражданского общества. Все это и предполагает — *sit venia verbe* — интеграцию, значит, доминирование цивилизации над культурой» [7. С. 419].

Исторический опыт относительно мультикультуральности вообще не радостен. Преимущественно на заре новой эпохи, в обществе со смешанными конфессиями «экссклюзивные абсолютные претензии на правду сталкивались друг с другом и друг против друга и кроваво воевали» [Там же. С. 413]. Таким образом, единственным выходом из кризиса явился надкультурный рационализм. И в этом духе можно заявить, что *людей соединяет не конкретное, а абстрактное*. По Бергеру, мы должны не забывать о том, что все религиозно, этнически, национально и даже культурно определенные виды партикулярности являются факторами риска. И наоборот, конституционное государство гарантирует одинаковые права для всех и должно быть «слепым» в отношении культурного разнообразия, но на основе признания индивидуальных прав и свобод. Основоположная *гомогенность* правового государства является *условием возможности культурной плюральности при наличии индивидуальной свободы*.

Современный политический плюрализм — опасная игра, поскольку и «светские культуры имеют, как и спрофанированные религиозные системы, определенное, еще не совсем охладевшее теолого-метафизическое ядро, которое можно рефлексивно раскалить» [Там же. С. 417]. Именно это и приводит к фундаментализму. Вспомним тезис о столкновении цивилизаций (*clash of civilizations*). Именно он порождает скептическое отношение к добродушным похвалам мультикультуральности. Речь идет об угрозе превращения мультикультурализма в политическую программу культурной дифференциации. Политика дифференциации, отдающая предпочтение отличиям внутри государства, укрепляя их, таким образом, совместно с цивилизационной основой, подмывает и предпосылки самой общественной коэзистенции. Для борьбы с такого рода тенденциями необходимо постоянно задаваться вопросами герменевтики, вслед за этим — деконструкции культурных дифференциаций и после того — образованием интеркультурного климата взаимопонимания. На данном этапе кажется уместным оживление универсалистских и, одновременно, индивидуалистических принципов европейского просвещения. По Метзу, «его несущей силой является разум, желающий остаться самим собой, стать практическим осуществлением свободы, т.е. осуществлением свободы других и, тем самым, справедливости» [8. С. 8].

М. Кастилло, рассматривая мультикультуральность, утверждает, что в определенной ситуации достижение культурной дифференциации исходит из признания гуманистического требования равенства, посредством нее проявленного. Таким образом, предполагается, что она касается не только равенства людей, но и равенства культур. Приведенная интерпретация ведет к гуманистическому осмыслению: не основывается ли релятивизм на расширении всеобщих прав человека, на уважении всех людей, подобных друг другу? В принципе, в гуманистическом

релятивизме над отличиями преобладают солидарность и единство человечества: я уважаю другого в его отличиях потому, что это не является препятствием взаимного уважения. Однако радикальная идентифицирующая версия культурного многообразия требует большего, чем просто взаимного уважения: она говорит не только о признании отличий, но и о признании *благодаря* различиям [9. С. 400], причем признание себя приходит от отказа другого и подтверждается благодаря другому. Дифференциация в таком случае понимается как радикальная и непреодолимая. Приведем пример: французский антрополог Леви Стросс, озабоченный защитой многообразия культур перед лицом европейского этноцентризма, в 1971 году подчеркнул антигуманистический и антиуниверсалистический смысл культурного дифференциализма. Этот пример, — пишет Кастилло, — «четко показывает, почему здесь существует риск смешения: стремление к предотвращению господства одной культуры над другой предполагает некий замысел, гуманистическую цель (равенство), но, однако, применяемые средства сами по себе являются негуманистическими и воинствующими: в самом деле, право на разность в своем сепаратистском намерении подтверждает как право освобождения, так и самоосвобождения» [Там же]. Данные рассуждения особым способом находят свой отзыв в современности, когда насилие все чаще проявляется в виде простого средства *подтверждения идентичности*.

Реальную ситуацию современности характеризует Г. Сартори. По его мнению, мультикультурализм является носителем определенной идеологии и утверждает, что в своей агрессивности, тенденции изолироваться и нетолерантности прямо отрицает плюральность [10. С. 10—12]. Такие общества иммигрантов основывают свои гетто и затем возникает следующая ситуация: когда «сообщество из стран „третьего мира“ достигает критического числа, оно начинает добиваться своих прав на культурно-религиозную идентичность и нападает на своих мнимых угнетателей» [10. С. 71]. Вопрос интеграции оказывается сомнительным. Известно, что интегрировать можно лишь того, кто хочет и кто готов от чего-то отказаться, кто осознает принятие чего-то и считает себя должником. Мультикультурализм перенес проблему миграции в контекст, в котором обязанность что-то преобразовать автоматически переносится с пришельца на принимающую страну. Т. Ярмара утверждает, что миграция уже «не воспринимается как значительное событие в жизни иммигранта — тот только переселяется куда-то на другое место. Принимающая страна прежде всего должна приспособить свои обычаи и институты к нему в большей степени, чем преобразовать его и побудить к приспособлению к новым условиям» [11. С. 186]. Можно считать полностью легитимным следующий вопрос: не будут ли иметь негативные результаты в политической области подтверждение и развитие этнокультурной идентичности некоторых меньшинств?

Оценивая недавнюю ситуацию в Париже, чешский журналист К. Гвиждяла заметил: «Франция снова столкнулась с накаленной ситуацией, связанной с протестами приезжих из Северной и Средней Африки... никто не знает, где и какие последствия это может вызвать... Государство перестало функционировать, маргинальные социальные группы отвергают западную модель мира и заявляют

о своих отличиях. Они видят, что Запад уже сам не доверяет своей модели и поэтому к нему уже никто не должен приспосабливаться» [12. С. 6]. В связи с этим он подчеркивает: «Во второй половине XX века этнически гомогенное европейское общество превращается в этнические сообщества. Сначала приезжих приветствовали (турков на станциях в Германии, например, оркестром), и общество не сомневалось в том, что возникающая сложная ситуация с иностранцами имеет лишь временный характер — предполагалось, что после зарабатывания денег на Западе они вернутся домой. Их приравнивали к странникам-ремесленникам XIX столетия. Но когда была осознана ошибка, придумали модель мультикультурной Европы, в которой все должны были быть равными и стали верить в постепенную ассимиляцию: третья генерация приезжих должна была превратиться в англичан, немцев, французов и т.д. Но все эти концепты развалились. Приезжие не вернулись домой, миграция не остановилась, а далее продолжается; культуры, не действуя вместе, сегментируются и социально замыкаются в свои группы. Эмигранты и в следующих поколениях не ассимилируются. Противоположная ситуация встречается редко. Ситуацию ухудшает государство плохо отрегулированной социальной системой, которая ведет к тому, что приезжие часто имеют в распоряжении лишь компенсационные выплаты на детей» [13. С. 79]. Поразительным в данной ситуации является то, что демократический Запад подобный факт не видит, даже не хочет видеть в иной части европейского континента.

2. Проблема макроплюрализма

Кант развивал свои суждения о жизни государств и народов на Земле в контексте правовых основ международной политики.

В данном русле написана его вторая статья, касающаяся международного права, которое должно основываться на федерализме свободных государств: «Народы в качестве государств могут быть рассматриваемы как отдельные люди, которые в их естественном состоянии (т.е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга, и каждый из них в целях своей личной безопасности может и должен требовать от другого совместного вступления в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право. Это был бы *союз народов*, который, однако, не должен был бы быть государством народов. В этом было бы противоречие, ибо всякое государство содержит в себе отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повинующемуся, т.е. народу). Многие народы в государстве (так как здесь мы рассматриваем право *народов* по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) образовали бы только один народ, что противоречит предпосылке» [6. С. 21].

Важным моментом рассуждений Канта является образование *мирового союза*, причем союз этот имеет целью «не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться (подобно людям в естественном состоянии) публичным законам и их принуждению.

Можно показать выполнимость (объективную реальность) этой *идеи федерации*, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру. Если бы по воле судеб какой-либо *могучий* и просвещенный народ имел возможность образовать у себя республику, которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру, то такая республика явилась бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы обеспечить таким образом сообразно идее международного права свою свободу, и путем многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза» [Там же. С. 23].

Доверие к праву должно основываться на *суррогате гражданского общественного союза*, именно на *свободном федерализме*, который разум должен соединять с *понятием международного права*.

Свои рассуждения о международном праве Кант заключает следующим пассажем: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из естественного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) *международное государство* (*civitas gentium*), которое в конце концов охватит народы земли» [Там же. С. 24]. Но, однако, Кант был реалистом. Это проявилось в том, что он осознавал интересы отдельных государств (их собственные идеи международного права) и утверждал, что поэтому не позитивная идея *мировой республики*, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза (существующего и постоянно расширяющегося), устраняющего войны, может сдерживать поток антиправовых враждебных склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления.

Надо учитывать то, что Кант свой мировой проект не понимал как определенную программу или руководство для его реализации. Ясперс утверждает, что смысл сочинения Канта заключается не в институциональных и юридических конструкциях, чтобы помочь утверждению мира, а в прояснении определенных принципов. Речь не идет об их практической реализации в конкретной форме. Кант задумывался прежде всего над *этико-политическим развитием государств* в международном контексте, указывая разнообразные пути постепенного создания мирного состояния на основе разума. В чем же, по Ясперсу, заключается смысл рассуждений Канта в вопросах свободы, права и мира? Кант, по его мнению, учит нас искать определенные критерии, с помощью которых мы можем оценивать современные политические процессы, и выходит за феноменальную границу политических действий. Одновременно он подготавливает нас к возможности критически распознавать «утопически-рационалистско-доктринарное мышление и неразумность предложения установления справедливого и разумного мира в смысле программы, которая должна быть немедленно осуществлена» [14. С. 5].

Сегодня планетарное пространство как диапазон политических отношений народов и государств на Земле презентуется растущим гегемонизмом, выведен-

ным из одного военно-властного центра, угрожающего свободе, равенству и применению международного права. Это напоминает уже Кантом намеченную и им же осужденную идею международного единства, перерастающего в универсальную монархию. После эпохи биполярного мира философ и эссеист В. Белоградски написал: «Быстро началась эпоха унилатерализма, союзники превратились в *обычных услужливых помощников*... Но страна, которая не требует союзников, а только *услужливых помощников*, опасна, и цели ее — неизбежно неразумные. Мне плохо из-за того, что много интеллектуалов и политиков в посткоммунистических странах с удовольствием подменили роль союзника на роль *услужливых вспомогателей*» [15. С. 12]. Опыт на сегодняшний день нам говорит, что в данной тенденции есть что-то *глубоко тревожное*... Война, агрессия, нарушение международного права, угроза применением силы обосновываются защитой прав человека, признанием всеобщих ценностей, созданием нового мирового порядка. Происходит это обычно под вывеской «миротворческая миссия», «гуманитарная акция», «международная операция». Куда-то исчезли еще недавно принципиально акцентированные требования свободы, демократии, плюрализма, суверенитета...

В контексте планетарных рассуждений Канта, сопоставляемых с современностью, можно констатировать и нечто такое, что вселяет немалую тревогу: оказывается, что мы снова на деле не хотим обратиться к разуму и впоследствии снова учимся на тягостном историческом опыте. Огромный риск реальных и потенциальных конфликтов современности сигнифицируется цветом: *коричневое проявляется в виде черного, но постоянно изменяется и за сценой уже готовится новая пара красок*... Сомнительный, даже циничный, прагматизм и реализм, выходя из заранее целесообразно сформированной и историей деформированной действительности, доминирует над правом и элементарной моралью...

Идея международного права Канта, соединенная с идеей всемирногражданского общества, переориентированной на возрастание культуры, цивилизованности и постепенно все более возрастающего согласия в принципах, может служить морально-политическим руководством в эру глобализации по разрешению конфликтов нашей сложно конструируемой современности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Angehrn E.* Geschichtsphilosophie. Verlag W. Kohlhammer. — Stuttgart Berlin Köln, 1991.
- [2] *Feber J.* Globalizace kultury // Člověk-Dějiny — Hodnoty III. — Ostrava, 2007.
- [3] *Kant I.* K večnému mieru. — Bratislava, 1996.
- [4] *Safranski R.* Koľko globalizácie unesie človek? Kalligram. — Bratislava, 2006.
- [5] *Kant I.* Metaphysik der Sitten // Kant I. Werke in sechs Bänden. Herausgegeben von Wilhelm Weischädel. Band IV. Schriften zur Ethik und Religionsphilosophie. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. — Darmstadt, 1998.
- [6] *Kant I.* Správa o príprave prednášok na zimný semester 1765—1766 // Filozofia. — 1999.
- [7] *Berger R.* Multikulturalizmus vo svetskom právnom štáte // FILOZOFIA. — 1999.
- [8] *Metz J.B.* Křesťanství a evropský duch // REFLEXE. Filosofický časopis. — 1993.
- [9] *Кастилло М.* Космополитизм Канта сегодня // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание. — М., 2007.

- [10] *Sartori G.* Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalci: esej o multietnické společnosti. Dokořán. — Praha, 2005.
- [11] *Jarmara T.* Multikulturalismus: ideologie polarizace // *Člověk-Dějiny*. — Hodnoty III. — Ostrava, 2007.
- [12] *Hvizdala K.* O globálnom šachu // *Salón Kumštu. Pravda*. — Sobota 15. Marca 2008.
- [13] *Hvizdala K.* V globální vesnici jako na pustém ostrově // *Hvizdala K.* Restaurování slov (eseje). Portál. — Praha, 2008.
- [14] *Jaspers K.* Kantův spis *K věčnému míru* // *Reflexe. Filosofický časopis*, r. — 1999.
- [15] *Belohradský V.* Společnost nevolnosti. Eseje z pozdější doby. Knížnice Sociologické aktuality. — Praha, 2007.
- [16] *Beck U.* Moc a protiváha moci v globálním věku. Nová ekonomie světové politiky. Sociologické nakladatelství. — Praha, 2007.

TO THE PROBLEMATIC OF MULTICULTURALISM IN THE CONTEXT OF I. KANT'S PHILOSOPHY OF THE HISTORY

L. Belas

Faculty of Philosophy of Institute of Philosophy and Ethics
Philosophical Faculty University of Preshov
Slovak Republic

L. Belasova

Faculty of Preschool and Elementary Pedagogics
Pedagogical Faculty University of Preshov
Slovak Republic

In the article are analyzed contradictions and calls of multiculturalism in today's Europe in view of modern global problems, attempts of construction of the unipolar world. During it creatively applied principles of philosophy of a history and culture, developed by I. Kant. carries out the analysis of their studying and application in the modern western research literature.

Key words: multiculturalism, globalisation, pluralism.